

и де и

пр о б л е м и

м н е н и я

Г.И. Пеев

Метаморфозы культурной традиции в индустриальном
мире

Традиция — процесс и результат живого творчества народа; его жизненный опыт, в котором он выработал, выстрадал определенные универсальные ценности. Соответственно, в любой культурной традиции мы будем различать два взаимосвязанных аспекта: пространственно-временной, исторический и ценностный, тяготеющий в вечности, для которого сам пространственно-временной срез становится лишь средством его осуществления, самораскрытия.

Исчез, например, греческий полис с его хронической гражданской войной и рабством, а античная пластика осталась. Она вне времени, вне истории. Она принадлежит вечности. Разумеется, и эту пластику можно изучать историческим методом, но к историческим условиям существования она не сводится.

Добавим, что универсальность ценностей не следует понимать в смысле их одинаковости, единообразия. Как раз наоборот. Вечное — принципиально вне пространства и времени и, как таковое, не может быть вычислено, измерено, схвачено в единой формуле. Скорее, оно всегда — тайна. Но эта тайна также всегда раскрывается, и раскрыться она может в любом, хотя всякий раз конкретном предмете, который тогда вырывается из пространственно-временного и становится символом вечного.

Раскрытие вечного именно в конкретном предмете в форме символической, позволяет одновременно и явить и сохранить тайну. Явить, ибо в символе тайна существует налично, открыто, но и сохранить, так как символ неисчерпаем, и формальные выводы из него невозможны.

Отдельные культуры вырабатывают свою символику вечного, а каждую из них можно рассматривать как уникальный лик его.

Отметим сразу, наше выделение двух сторон традиции, исторического и ценностного, — следствие позднейшей абстракции.

В доиндустриальных цивилизациях черты и того и другого слиты до неозличимости. Там часто вообще отсутствует понятие о пространстве и времени самих по себе, изолированно от ценностного аспекта.

В физике Аристотеля, например, пространство небесное и земное связаны в действии различных закономерностей. Первое ближе к перводвигателю, и небесные тела подчиняются более совершенным круговым равномерным движениям. Земное же — сфера обитания существ несовершенных, и движение здесь несовершенное, сопровождающееся ускорением и замедлением. Само пространство — не однородная самостоятельная среда, а совокупность естественных мест тел, представляющих строгую иерархию ~~поочередности~~ по степени совершенства.

Ту же нерасчлененность видим в средневековой пространственно-временной символической системе, когда понимание пространства неотделимо от представлений "верха" и "низа", а последние наделяются полярными религиозно-этическими оценками. Смена дня и ночи также — не просто период времени суток. Ночь — еще и время, излюбленное разного рода нечистью. Ночью творятся недобрые дела. День же ассоциировался с божественным светом.

Однако с XV века в европейской культурной традиции происходят многозначительные сдвиги. Сначала, Николай Кузанский, затем Джордано Бруно радикально преобразуют замкнутый уютный космос, в котором европейский человек обитал со времен Аристотеля. Космос стал бесконечным. Земля теряет статус центра космоса. Его теперь вовсе нет или, что то же самое, центром может считаться любая, самая ничтожная точка. Он — везде и нигде. Строгая иерархия форм бытия рухнула.

В XVI веке зарождающаяся новоевропейская наука делает из философских спекуляций Возрождения трезвые выводы. Если все образования вселенной равноправны, то пространство размещения их также лишено более или менее привилегированных мест. Оно однородно, в нем действуют одни и те же законы. Это позволило связать законы небесной и земной механики в единую систему классической механики, первой формы обнаружения современной науки.

Так как пространство однородно, его воздействием на движущееся тело можно пренебречь. Формулируются законы инерции, заложившие основы новой науки.

Однако для нас сейчас важно другое. Во-первых, однородное пространство и время приобрели независимость от вещей, с ними связанных, стали условием их существования, что отметил уже Ньютон. Во-вторых, в нейтральнооднородных пространстве и времени не было места ценностным качествам. Не было в них ни добра, ни зла, времени дурного и благоприятного, мест проклятых или благословенных. И не случайно вид этих холодных пространств ужасал Паскаля. В-третьих, тот же ценностно-нейтральный характер закрепился и за телами, живыми и неживыми, помещенными в пространстве и во времени. Отныне способом их научного рассмотрения оказывается сведение их к пространственно-временным свойствам, к способам движения их взаимоизолированных компонентов в рамках пространственно-временных параметров. Декарт с непосредственностью новообращенного писал, что дабы понять жизнь, он рассекает тело животного на части. Думал ли он при этом, что таким образом он убивает её?

Позднее, пространственно-временные представления науки менялись, но ценностная нейтральность пространственно-временного мира неизменно сохранялась. Человек не составлял исключения среди других пространственно-временных тел. Подобно остальным живым телам он стремился к удовольствию и пытался избежать неудовольствия, в чем выражалась его зависимость от пространственно-временных образований. Ценностный аспект исчезал и здесь, в человеке, растворялся в пространственно-временном, хотя такая ориентация предполагала весьма определенную шкалу оценок. Возникла философия и идеология. Просвещения, отвергавшая историческую традицию как предрассудок, пытавшаяся подменить её научным взглядом на мир. Несмотря на свою наивность (а может быть, вследствие этого), постоянно обновляясь, она играла и играет заметную роль в современном мире. Но речь пойдет не о ней. Остановимся на одинокой фигуре Канта. Как раз потому, что она стоит особняком, в ней сконцентрировались идейные тече-

ания той эпохи. Без обращения к ней невозможно проникнуть и в будущее философской мысли.

Подобно всем мыслителям XVII–XVIII веков Кант заморожен феноменом явившейся науки. Тем не менее, его отношение к ней отличалось от понимания ее Декартом, Спинозой, Лейбницем и другими рационалистами. Последние интересовались наукой преимущественно как системой утверждений о бытии, хотя и оставили ряд блестящих методологических прозрений. Их привлекали в основном результаты научного исследования, которые гипостазировались и оказывались предметом онтологических спекуляций.

Для Канта наука интересна прежде всего в качестве системы знаний, нуждающейся в обосновании. В обосновании нуждаются всеобщность и необходимость научного знания. Кант полагает, что они недостижимы на путях трактовки науки в качестве отражения реальности. Поиски всеобщности и необходимости в ней проблематичны. Эти черты вносятся ~~в~~ в знания человеком, активностью его познавательных способностей. Человек в научной деятельности — столько же истолкователь реальности, сколько её творец. Желая постичь её, он её созидает. В самом деле, современная наука экспериментальна. А отсюда следует, что стремясь познать тот или иной предмет, ученый ставит его в определенные условия, чтобы выявить предмет в чистом виде. Но в таком случае, продолжает Кант, он постоянно имеет дело с предметом сквозь призму тех условий, которые он ему задал, и никогда не знает, чем является предмет помимо них, сам по себе. Среди условий, обеспечивающих всеобщность и необходимость законов науки Кант указывает на априорные формы чувственности: однородные пространство и время. Таким образом, Кант приемлет ценностную нейтральность пространства и времени, а также действительности, зависимой от них, хотя для него это не вся реальность, а лишь сфера явлений, произведенная познавательными способностями человека. За ее пределами — реальность, существующая сама по себе, безусловно.

В отличие от идеологов Просвещения Кант не абсолютизирует пространственно-временной стороны мира вообще и человека в частности. Вернемся, однако, к безусловному. Наука не говорит с

нами его языком. Как же мы тогда слышим его голос? Через нравственное долженствование, утверждает Кант. Ученый вправе задавать предмету исследования некоторые условия.. Все же, нравственный долг безусловен. Не мы ему, а он нам диктует условия, и если они игнорируются, оборачиваются карающей совестью. В противном случае автономия нравственности, а следовательно, ее существование в принципе, оказывается под вопросом.

Оговоримся. Сказанное о Канте не касается прямо занимающей нас темы традиции. Мыслитель к ней не обращается. Но в свете судеб традиции в индустриальную эпоху разграничение ~~и~~ пространственно-временного и ценностного приобретает смысл пророчества.

Со времен Канта мотив такого обособления звучал не раз. Когда Гуссерль, например, рекомендует подвергнуть редукции мир естественной установки, включая сюда и мир науки, и обратить взор к чистому сознанию, он также разводит пространственно-временное и ценностное. Повод для такой интерпретации дает последующее сближение чистого сознания с жизненным миром в феноменологии. Правда, пока это были только невинные философские упражнения по поводу соотношения научного и ценностного. Поступь индустриальной цивилизации наполняет их плотью и кровью. Наука, которая некогда была уделом избранных, тогда как большинство едва знало о ней, теперь зримо предстала перед человеком в сооружениях из стекла и бетона, в бытовых приборах и транспорте. Она вторглась в быт и работу, стала неотделимой частью жизненного опыта каждого. Когда-то наука конструировала идеальное однородное пространство и время. Ныне они материализуются, а техника, снятая тайна науки, расчищает для них почву. Даже там, где эта почва сохранилась в первозданной чистоте, она все равно рассматривается под углом научно-технического подхода: наличия или отсутствия в ней природных ресурсов, удобства или неудобства транспортировки грузов и т.д. Новый пространственно-временной человек, руководствующийся удовольствием и неудовольствием, пользой и бесполезностью, из утопий Просвещения шагнул в жизнь, и его появление в природе изрядно уменьшило восторги по его ад-

ресу. Однообразный стандартизованный мир, основанный на однообразном однородном пространстве и времени, порождает унифицированного "одномерного" человека. Традиционные ценности для него — не более чем заблуждения и уникальные культурные традиции оказались перед лицом гибели либо уже исчезли. Биосфера, живая и неподкупная, неуклонно разрушается по мере того, как этот новый человек неуклюже вторгается в неё со своими страшными орудиями. Когда-то Гегель славил "хитрость разума", который достигает цели, обращая природный материал против нее самой. Сейчас делается очевидным, что перехитрить природу нельзя. И теперь голоса новых пророков предрекают новому человеку апокалиптическое будущее, если он не свернет с пути, на который неосторожно вступил. Хвала им, этим пророкам. Своими прозрениями они подхлестывают людей, не дают им терять себя в инерции машинного ритма. Тем не менее, не всё так безнадежно, как рисуется некоторым из них, и само их появление свидетельствует об этом.

Казалось, по мере наступления индустриальной цивилизации унифицированность мира и жизни должны только возрастать. На самом деле происходит и нечто противоположное. Несмотря на то, что современное стандартизованное производство ставит различным культурным регионам внешне единые рамки, их несходство часто заостряется, и мир в итоге приобретает черты плюрализма по своим ценностным ориентациям. Возьмем к примеру феномен исламской революции в Иране. Ожидалось, что "белая революция" шаха, насаждавшаяся им индустриализация и вестернизация ликвидируют историческую пропасть между Западом и Ираном, страной Востока. Результат был до некоторой степени обратным. Урбанизация сконцентрировала в индустриальных центрах традиционные слои, и для них вечные ценности, воплощенные в конкретной форме ислама, превратились одновременно и в прибежище от натиска чуждой культуры и в орбиту борьбы с ней. Вместо вестернизации человечество столкнулось с мощным возрождением ислама, вернувшегося в лице фундаментализма к своим собственным истокам.

Уничтожение традиции не состоялось. Наоборот, перед лицом угрозы, она утвердила себя через углубление к началам. Вместо того, чтобы исчезнуть, традиция получила импульс к дальнейшему развитию. Едва ли после переворота иранский народ откажется от современного производства, но, очевидно, это будет свой своеобразный исламско-иранский вариант индустриальной цивилизации. Что же происходит? Дело в том, что унификация пространственно-временного среза человеческого существования не обязательно упраздняет вечное, ценностное. Два компонента культурной традиции только взаимно изолируются: пространственно-временное десакрализуется, оказывается ценностно-нейтральным; и ценностное лишается свойств пространственно-временного. Дихотомия, обнаруженная Кантом, в наше время находит себя в традиции. Мы писали, как из-за этого преобразовалась пространственно-временная сфера жизни. Но и лик вечности выступил перед человеком иной стороной. Пока вечное не отделяли от специфичных для каждой традиции пространственно-временных реалий, оно заявляло о себе преимущественно как пребывание. Сакрализуя эти реалии, наделяя их ценностными качествами, оно гарантировало их неизменность своей неизменностью. Традиция была ориентирована на следование вечным образцам, развитие происходило задним числом при негативном к нему отношении. Но всякая традиция, ценностный аспект в ней — своеобразный лик, символ вечного. Когда он трактуется в качестве неизменного, единственного, культурные традиции догматически противопоставляются друг другу, утрачивают способность к взаимопониманию, замыкаются в себе, либо пытаются истребить друг друга. Конечно, взаимопроникновение культур имело место всегда, но не всегда оно было сознательной ориентацией. Обособившись от пространственно-временного, вечное как бы сорвалось с якоря. В современной философии оно уже не синоним пребывания, а характеризуется становлением. Вечное — это "поток": "поток сознания", "поток жизни", "поток бытия". Оно — вечно обновляющаяся творческая сила. ^{х)}

^{х)} Смещение в раскрытии вечного тем более удивительно, что его как бы и не произошло, лишь чуть-чуть иначе расставлены акценты. Еще Дионисий Преображенский (Петр Ивер) узнал о тождестве в пределе покоя и движения, о том же писал Кузанец и Бруно. Однако, вплоть до XIX века ударение делали в целом на пребывании.

Новый образ вечного постоянно обновляет традицию. Оставаясь его своеобразным ликом, она одновременно изменяется, рождается заново, преодолевает себя, будучи себе верной. Ее своеобразие оказывается своеобразным путем развития. И в этой своей открытости она открыта другим традициям и культурам. Наше время — время диалога культурных традиций при осознании их взаимной несводимости. Повторяем, индустриальная цивилизация разлагает традицию, отделяя в ней области пространственно-временного и ценностного, прежде слитые воедино. Такое противостояние является напряженным. Каждая составляющая стремится исключить противоположную, или, что то же самое, вобрать ее в себя в несобственной форме. Пространственно-временной аспект тшится представить себя единственным, предлагая человеку круг оценок, связанных с полезным, рациональным, научным и т.д. Поток вечного, напротив, втягивает в себя пространственно-временное, распрямляя его, преобразуя в творческом становлении. Преобладание в этом хроническом противоборстве пространственно-временного или вечного радикально влияет на судьбы культурной традиции. Если оно закрепляется за первым, негативные последствия индустриальной цивилизации могут оказаться необратимыми. Это означает, в частности, разрыв культурной традиции вплоть до ее гибели. В таком случае движение определенного народа можно представить как движение разложения. И обратно, превосходство второго ведет к тому, что разложение традиции на сферы пространственно-временного и вечного делается предпосылкой для расширенного воспроизводства известной традиции, ее воспроизводства в развитии. Соотношение с вечным в условиях своеобразного пути развития каждой культурной традиции позволяет корректировать отрицательные последствия индустриальной цивилизации, преобразуя ее пространственно-временную часть в соответствие с вечными ценностями.

+ + +
^ ^ ^